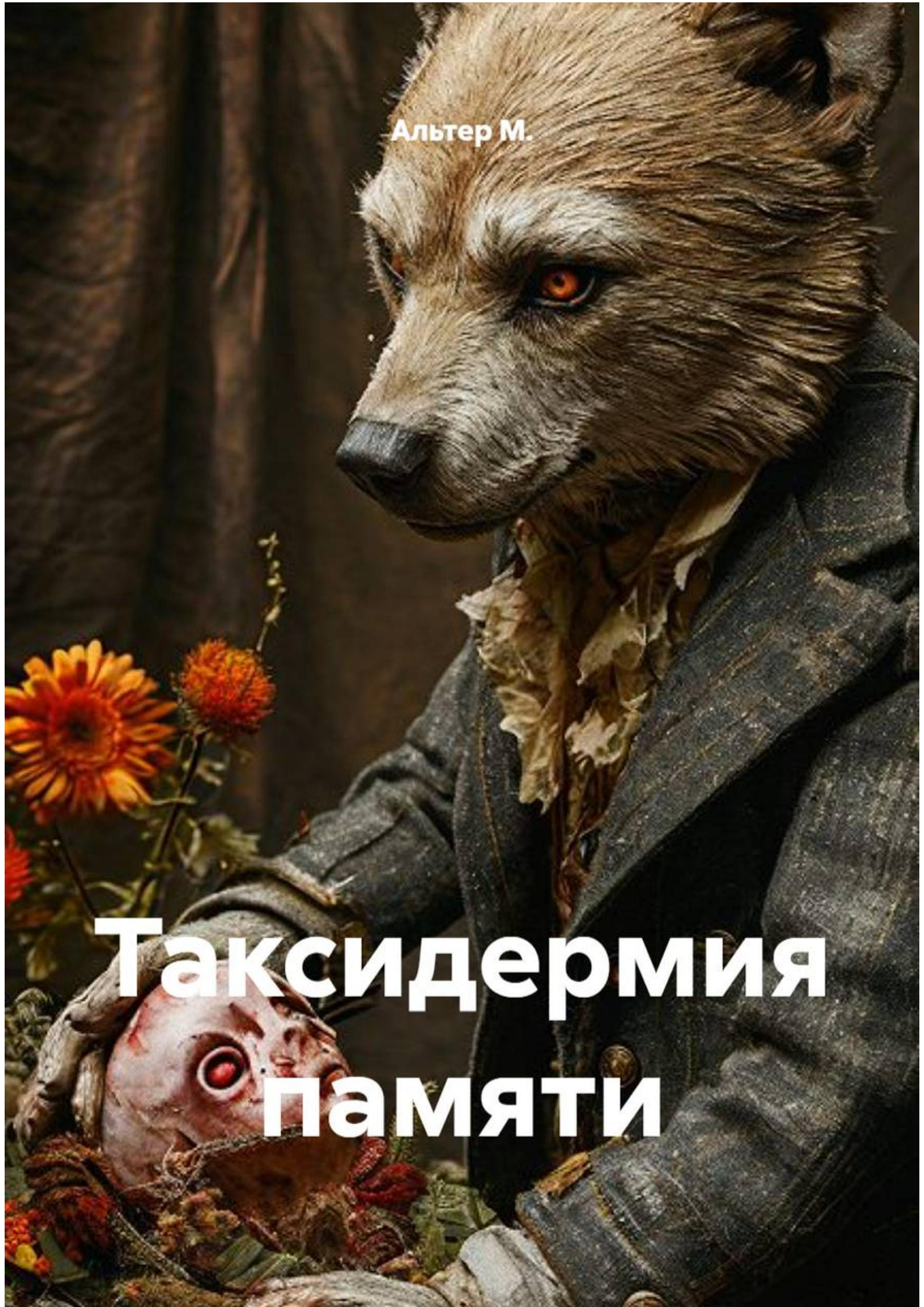

A detailed close-up of a raccoon's head, taxidermied with realistic fur texture and glowing orange eyes. The raccoon is wearing a dark, textured suit jacket and a ruffled, dried-leaf collar. Its right hand is visible, holding a taxidermied fish head with a single prominent red eye. The background is dark and textured, with some orange flowers visible on the left.

Альтер М.

Таксидермия памяти

Альтер М.

Таксидермия памяти

«Автор»

2026

М. А.

Таксидермия памяти / А. М. — «Автор», 2026

Таксидермист Арсений Колчин создаёт чучела умерших питомцев, даря их хозяевам иллюзию вечной жизни. Но однажды он открывает в себе страшный дар: прикасаясь к мёртвой плоти, он переживает последние мгновения боли и ужаса животных. Оказывается, его творения — не просто куклы, а вместилища запертых душ, отравляющих жизнь владельцев. Осознав масштаб невольного злодеяния, Арсений вступает в борьбу с порождениями собственного ремесла, а также с тёмной сущностью погибшего учителя. Ему предстоит стать стражем на границе миров, чтобы исправить ошибки прошлого и вернуть покой сотням пленённых сознаний.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Там, где кончается тишина	5
Глава вторая. Холодная радужка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Альтер М. Таксидермия памяти

Глава первая. Там, где кончается тишина

Запах въедался в древесину верстака, в шершавые доски пола, в саму ткань рубашки, сколько бы Арсений её ни стирал. Это был сложный, многогранный аромат, который непосвящённый человек счёл бы просто химическим смрадом, но для Арсения он делился на десятки оттенков. Резкая, бьющая в носоглотку нота формалина смешивалась с приторной сладостью дубильных солей, а под ними, словно басовая партия в оркестре, угадывался едва различимый, но неистребимый дух самой смерти — запах остывающей плоти, остановившегося времени. Этот запах был его первым утренним приветствием и последним вечерним напутствием. Он стал частью его, как становится частью лесоруба запах смолы, а пекаря — мука, забившаяся в каждую пору кожи. Мастерская располагалась в полуподвале старого доходного дома на Петроградской стороне, в лабиринте проходных дворов, куда редко заглядывали случайные прохожие. Здесь, в искусственном полумраке, под светом ламп дневного света, гудящих ровно и убаюкивающе, Арсений Валерьевич Колчин занимался своим ремеслом. Ремеслом, которое у одних вызывало брезгливую дрожь, а у других — тихое, почти религиозное благоговение. Он возвращал мёртвых.

Нет, разумеется, он не воскрешал их в библейском смысле. Он был таксидермистом. Но для его клиентов, для тех, кто переступал порог этой пропахшей вечностью мастерской, держа в руках остывшее тельце любимого той-терьера или персидской кошки, он совершал чудо не меньшего масштаба. Он побеждал тление. Он дарил иллюзию, тонкую и прочную, как шёлк, иллюзию того, что разлука — это лишь дурной сон. Что пушистый друг всё ещё здесь, просто уснул. И будет спать всегда. Свернувшись калачиком на любимом кресле, положив морду на лапы, глядя перед собой стеклянными, искусно подобранными глазами. Глаза были его страстью и его проклятием. Он мог часами сидеть с коробкой заготовок, перебирая стеклянные полусферы с нарисованными зрачками, подбирая нужный оттенок радужки, ту самую янтарную искру или влажную зелень, которая составляла душу животного.

Сегодня он работал над сложным заказом. Русская псовая борзая по кличке Вихрь. Сложность заключалась не в размере, хотя изготовить чучело крупной, длинномордой собаки с её специфической анатомией — задача на несколько месяцев кропотливого труда. Сложность была в том, что Вихрь умер не своей смертью. Его сбила машина на загородном шоссе, где пёс, вырвавшись из вольера, бессмысленно и радостно бросился догонять уходящий за горизонт закат. Хозяин, пожилой отставной военный с потухшими глазами, привёз Арсению тело в мешке для строительного мусора. Тело было изуродовано, и Арсению пришлось долго, почти как патологоанатому, восстанавливать костную структуру черепа, сшивать разорванную кожу, подбирая клей, который выдержит натяжение. Работа была ювелирной.

Он отложил скальпель и потянулся, разминая затёкшую шею. В мастерской было тихо. Только холодильная установка, где в герметичных контейнерах хранились заготовки, мерно гудела свою бесконечную басовую ноту. Вокруг на стеллажах сидели, стояли и лежали плоды его многолетних трудов. Лиса с пушистым хвостом, застывшая в прыжке на каминной полке из искусственного камня. Два вальдшнепа в брачном полёте, подвешенные на невидимых лесках к потолку. Огромный серый кот по кличке Барсик, мирно спящий на специальной подушке, поджав под себя лапы, — классика жанра. Каждый из них был идеален. Форма, посадка головы, блеск шерсти — Арсений не признавал халтуры. Он был старомоден в своём перфекционизме, за что его и ценили в узких кругах. К нему ехали со всей страны, минуя десятки более дешёвых

и быстрых «чучельников», которые заливали шкуры формалином, натягивали на топорные болванки из монтажной пены и вставляли дешёвые пуговицы вместо глаз. Клиенты Арсения Колчина платили за скорбь. За право не расставаться. За иллюзию присутствия.

Он взглянул на Вихря. Каркас из проволоки и папье-маше уже обрёл очертания стремительного бега. Передние лапы вытянуты, грудная клетка развёрнута, длинная шея напряжена. Оставалась самая ответственная часть — монтаж головы и работа с мордой. Именно в морде, в её выражении, заключалась та неуловимая искра жизни, которую так жаждали увидеть заказчики. Арсений взял со стола фотографию, присланную хозяином. Борзая стояла в поле, высокая трава скрывала ноги, и ветер трепал лёгкую бахрому на ушах. В глазах собаки была абсолютная, незамутнённая свобода. Арсений вздохнул и полез в коробку за стеклянными глазами. Нужен был карий, с вкраплениями янтаря и тёмной, почти чёрной обводкой. Вихрь. Карий — цвет ветра, гонимого по осенней листве.

Раздался звонок в дверь. Звук был резким, механическим, и он разрушил глубокую, вязкую тишину, словно камень, брошенный в болото. Арсений поморщился. Он не любил, когда его отвлекали от процесса, но запись была на сегодня. Он помнил: женщина с кошкой. Голос в трубке был надтреснутый, истеричный, такие звонки он научился узнавать сразу. Свежее горе, острое, как осколок стекла. Таким клиентам нужны не просто услуги, им нужна психотерапия. Им нужно выговориться, поплакать, показать фотографии на телефоне и убедиться, что мастер — не циничный мясник, а понимающий, сострадающий художник. Арсений умело играл эту роль, хотя сострадание в нём давно уснуло, придавленное грузом профессиональной деформации. Он не был жесток, нет. Просто за пятнадцать лет работы он насмотрелся на столько человеческих страданий, что они слились в одно серое, монотонное полотно. Смерть собаки или смерть хомячка — для хозяев это была трагедия. Для него — вторник.

Он вытер руки ветошью, снял рабочий фартук, испачканный квасцами и чем-то бурым, и накинул чистый халат. Нужно соответствовать. Он подошёл к двери, ведущей из производственного помещения в небольшую приёмную, которую он с гордостью именовал «салон». Здесь было темнее, чем в мастерской. Тяжёлые тёмно-зелёные портьеры скрадывали дневной свет, создавая атмосферу будуара девятнадцатого века. В углу стояло чучело филина, расправившего крылья в вечном беззвучном крике. Вдоль стен — стеклянные витрины с образцами работ: белка с орехом в лапках, хорёк, замерший у искусственной норки, голова оленя, глядящая со стены затуманенным взором. Каждый предмет здесь дышал торжественной печалью. Арсений щёлкнул выключателем, и под потолком зажглась хрустальная люстра, отбрасывая на чучела сотни крошечных радужных зайчиков.

За дверью стояла женщина лет пятидесяти, бледная, с красными, заплаканными глазами. В руках она прижимала к груди плетёную корзину, укутанную в детский плед. Запахло уличной сыростью и валерьянкой.

— Проходите, — Арсений отступил в сторону, пропуская её в салон. Голос его звучал мягко, бархатисто, он давно выработал этот тон, успокаивающий, почти гипнотический.

Женщина — её звали Елена Павловна, как она представилась по телефону, — вошла, затравленно озираясь по сторонам. Её взгляд скользнул по филину, по оленьей голове и, наконец, остановился на витрине, где в неестественно комичной позе сидел йоркширский терьер в крошечной шляпке. Она вздрогнула и прижала корзину к себе ещё сильнее.

— Я принесла... принесла её, — прошептала она, и губы у неё затряслись. — Вот. Маркиза.

Она поставила корзину на журнальный столик и откинула край пледа. Внутри, на специальной охлаждающей подстилке, свёрнутая в позу эмбриона, лежала кошка. Обычная, чёрно-белая, дворовой породы. Мокрая шерсть слиплась сосульками, глаза были закрыты, а на морде застыло выражение, которое Арсений видел тысячи раз. Выражение удивлённого, непонима-

ющего ухода. Смерть часто застаёт животных врасплох, они не философствуют о конце, и поэтому их посмертные маски так трогательно беззащитны.

— Сколько ей было лет? — спросил Арсений, скорее для того, чтобы заполнить паузу и дать женщине возможность начать говорить. Ему нужна была информация о темпераменте животного, но ещё больше ему нужно было успокоить клиентку, дать ей выплакаться, чтобы потом спокойно обсудить деловую часть.

— Семнадцать, — всхлипнула Елена Павловна. — Почти восемнадцать. Она у меня с института. Понимаете? Вся жизнь с ней прошла. Замуж выходила — она на подушке сидела. Разводилась — она мне руки лизала. А сегодня утром прихожу на кухню, а она на своём коврике... и всё. Всё. Коврик пустой.

Женщина разрыдалась. Арсений терпеливо ждал, глядя на кошку. У Маркизы была интересная расцветка: на чёрной голове белая «проточина» и белые «носочки» на лапах. Это усложняло работу. Если хозяйка захочет сохранить шкуру, а не закажет мумификацию, придётся очень аккуратно работать с красителями, чтобы белая шерсть не пожелтела от дубильных веществ. Арсений уже мысленно прикидывал схему. Поза «спящая на боку» скроет послеоперационный шов на животе, а голову можно будет чуть приподнять, словно кошка дремлет, но вот-вот приоткроет глаз.

— Я понимаю ваше горе, — произнёс он ритуальную фразу. — Маркиза прожила долгую и, я уверен, счастливую жизнь. Но её путь не окончен. Она может остаться с вами. В вашем доме. Спать на том же коврике, если вы захотите. Смотреть на вас. Я делаю всё, чтобы передать характер. Чтобы это было не просто чучело, а портрет. Скульптурный портрет души.

Он говорил и сам почти верил в это. Ложь во спасение, которая стала его профессией. Елена Павловна подняла на него мокрые, полные надежды глаза.

— Вы правда сможете? А то я уже звонила в одно место, там такой мужчина грубый был, сказал: «Везите, разберёмся, сделаем в лучшем виде, как при жизни будет». Но как-то так это прозвучало... будто он про табуретку говорит, а не про живое существо. А мне нужна не табуретка. Мне нужна Маркиза. Чтобы она смотрела, как раньше. У неё взгляд был такой... мудрый. Она всё понимала.

— Покажите мне фотографии, — попросил Арсений. — Желательно последние, где видно глаза и позы.

Женщина засуетилась, полезла в сумочку за телефоном. Арсений же, воспользовавшись паузой, бегло осмотрел кошку более пристально. Трупное окоченение уже начало проходить, тело было мягким, податливым. Хорошо. Значит, с момента смерти прошло больше двенадцати часов. Кожу ещё можно снять без особых проблем. Он осторожно приподнял веко кошки. Глаз был мутный, подёрнутый белесой плёнкой. Стекловидное тело деградировало, радужка потеряла цвет.

И тут он почувствовал это.

Это было мимолётное, едва уловимое ощущение. Лёгкий, как сквозняк, холодок, пробежавший от пальцев, коснувшихся мёртвой плоти, вверх по запястью к локтю. И странный, ни с чем не сообразимый укол тревоги. Перед глазами на долю секунды вспыхнула и погасла картинка: обшарпанный угол старой кухни, залитый неестественно жёлтым солнечным светом из маленького окошка. И чувство вины. Острое, как лезвие, чувство невыполненного обещания. Видения не было. Оно просто мелькнуло, как кадр из старой киноплёнки, вставленный в чужой фильм. Арсений моргнул и отдернул руку. «Переутомление», — подумал он. Вчера он лёг в четыре утра, заканчивая покраску внутренней стороны пасти для чучела волка. Глаза просто устали, мозг дорисовывает галлюцинации.

— Вот, смотрите! — Елена Павловна протянула ему телефон. На экране была фотография кошки, сидящей на подоконнике. Взгляд у неё действительно был необычный для кошки — слишком пристальный, тяжёлый, оценивающий. Не уютно-мурлыкающий, а какой-то гип-

нотический. — Тут она ещё молодая была, но характер видно. Она всегда смотрела прямо в душу. Муж мой бывший её боялся до дрожи. Говорил, что по ночам она ему спать не даёт, смотрит и осуждает. А я знаю, что она просто охраняла меня.

Арсений пролистал снимки. Типичная история. Одинокая женщина, развод, отсутствие детей. Кошка стала центром вселенной, заместительным объектом для нерастраченной любви и заботы. Эта Маркиза была для неё не просто питомцем. Это был якорь, удерживающий её психику в равновесии. И теперь этот якорь исчез, и женщина тонула. Задача Арсения — создать новый якорь, чучело, которое будет обладать той же функцией, но уже ничего не требовать взамен. Идеальный питомец. Вечный.

— Я вижу характер, — кивнул он, возвращая телефон. — Взгляд действительно пронзительный. Сделаем. Глаза подберём в точности. У меня есть немецкие стеклянные заготовки ручной работы, я расписываю их вручную, добиваясь нужного эффекта глубины. Это не фабричная штамповка. Ваша Маркиза будет смотреть на вас, как раньше.

— Только вы уж постарайтесь, — женщина сжала его локоть ледяными пальцами. — Я заплачу, сколько скажете. Мне соседка вас рекомендовала, у неё пекинес уже год как спит на подоконнике, как живой. Говорит, вы волшебник.

— Я всего лишь ремесленник, — скромно улыбнулся Арсений, высвобождая локоть. — Давайте оформим документы. Вы должны понимать, что процесс займёт время. Месяца три, может, четыре. Сушка, выделка, манекен... Спешка в нашем деле — враг.

Они прошли в угол салона, где стоял антикварный бюро с бланками договоров. Арсений заполнял графы своим бисерным почерком, вписывая кличку, породу, особые приметы. Белая проточина на лбу. Белые носочки. Зелёные глаза (уточнить по фото). Поза: лежащая, голова на лапах. Елена Павловна диктовала, а её голос то и дело срывался на шёпот, словно она разговаривала с покойницей, которая лежала в корзине в двух метрах от неё, и боялась разбудить её раньше времени.

Когда с формальностями было покончено, и женщина, ещё раз всплакнув, попрощавшись с корзиной, как с живым существом, вышла в серую морось питерского вечера, Арсений закрыл за ней дверь на тяжёлый засов и перевернул табличку «Открыто» в положение «Закрыто». В мастерской снова воцарилась тишина, но теперь она казалась уже не такой спокойной, как раньше. В ней появился какой-то новый оттенок. Словно кто-то невидимый затаил дыхание.

Он вернулся к верстаку. Корзина с Маркизой стояла на отдельном металлическом столе, где обычно проводилась первичная обработка. Вихрь на своём каркасе всё так же застыл в вечном беге. Арсений посмотрел на борзую, потом на кошку. На сегодня, пожалуй, хватит. Он убрал инструменты, протёр столы спиртовым раствором и накрыл заготовку Вихря влажной тканью, чтобы кожа не пересохла за ночь. Маркизу нужно было убрать в холодильник, но перед этим снять с неё ошейник и ещё раз тщательно осмотреть на предмет повреждений.

Он взял кошку на руки. Тело было лёгким, почти невесомым. Смерть всегда ворует вес. Он переложил её на смотровой лоток, поправил лампу. Скальпель привычно лёг в руку. Нужно было сделать надрез для инъекции формальдегидного раствора, чтобы законсервировать ткани изнутри до момента снятия шкуры. Кончик скальпеля коснулся кожи на животе, вспоров тонкую линию.

И снова это чувство. Удар сердца, гулко отдавшийся в ушах. Перед глазами, перекрывая реальность, возникла чёткая, яркая картинка: дверной проём, из которого льётся оранжевый, пульсирующий свет. И запах. Запах палёной шерсти. И звук. Тихий, захлёбывающийся кашель где-то внизу. Арсений отшатнулся. Скальпель со звоном упал на кафельный пол. Он с ужасом уставился на мёртвую кошку. Она лежала неподвижно. Вокруг неё не было никакого дверного проёма, никакого оранжевого света. Только гул лампы дневного освещения и привычный смрад химии.

— Какого чёрта? — произнёс он вслух. Голос прозвучал глухо, словно его поглотили войлочные стены. Такого с ним не случалось никогда. Он не верил в мистику. Он материалист до мозга костей. Он знал, что душа — это набор электрических импульсов в коре головного мозга, и когда активность прекращается, ровным счётом ничего не остаётся. Только биомасса. Белки, жиры, углеводы, которые он, Арсений, научился консервировать на десятилетия. Откуда же тогда это видение? Палёная шерсть? Чей это страх? Его собственный?

Он поднял скальпель, вымыл его и продезинфицировал заново. Руки слегка дрожали. Он заставил себя снова приблизиться к кошке. Маркиза лежала на боку, с чуть приоткрытой пастью, из-под верхней губы выглядывал кончик розового языка. Обычныйдохлый кот. Арсений сделал надрез увереннее. Игла с формалином вошла в брюшную полость. Раствор пошёл по сосудам, вызывая характерное побледнение тканей. На этот раз ничего не произошло. Никаких картинок, никаких звуков. Тишина. Он облегчённо выдохнул. Показалось. Определённо, переутомление. Надо больше спать и меньше кофе. Доделав инъекцию, он убрал тело в холодильную камеру, в специальный отсек для «свежих» поступлений, и тщательно вымыл руки с мылом.

Остаток вечера прошёл скомканно. Он пытался читать, но строки расплывались перед глазами. Тогда он включил телевизор, но бессмысленный поток новостей только раздражал. В квартире над мастерской, которую он снимал у того же домовладельца, было холодно и неприятно. Холостяцкая берлога, заставленная книгами по анатомии и каталогами таксидермических принадлежностей. Он жил один. Давно. Когда-то, ещё в юности, у него была девушка, которая, увидев его первую работу (чучело вороны), назвала его некромантом и сбежала, громко хлопнув дверью. С тех пор он предпочитал общество мёртвых — они не предавали и не требовали к себе сложных эмоций.

Он лёг спать далеко за полночь. Сон пришёл быстро, но был он рваным, душным. Арсению снилось, что он находится в длинном коридоре коммунальной квартиры. Вдоль стен стояли чучела зверей, но это были не его работы. Они были кривыми, нелепыми, с оскаленными пастьми, из которых торчали куски пожелтевшей пены. И все они смотрели на него. Их стеклянные глаза вращались в глазницах, следя за каждым его шагом. А в конце коридора горела та самая оранжевая дверь. Из-под неё валил дым, пахнувший горелой шерстью. И женский голос, очень знакомый, похожий на голос Елены Павловны, истошно кричал: «Маркиза! Маркиза, выходи!».

Он проснулся в холодном поту. Сердце колотилось где-то у горла. За окном брезжил серый рассвет. Петербург тонул в тумане, который скрадывал очертания крыш, делая город плоским и ирреальным, похожим на плохо проработанную театральную декорацию. Арсений сел на кровати и долго смотрел в одну точку на стене, где отслаивались старые обои. Сон был настолько ярким и детальным, что утренняя реальность казалась тусклой подделкой. Ему потребовалось усилие воли, чтобы встать, умыться ледяной водой и сварить крепкий кофе. Кофе вернул ощущение контроля.

День начался по расписанию. Первой задачей была работа над Вихрем. Арсений спустился в мастерскую, открыл жалюзи, впуская скудный дневной свет в дополнение к электрическому, и размотал влажную ткань с заготовки. Кожа борзой за ночь слегка подсохла, но всё ещё оставалась эластичной. Он замесил новый состав глины и клея для лепки лицевых мышц. Это была самая медитативная часть работы — по кусочку, по волокну восстанавливать анатомию морды, которая уже была разрушена временем. Каждая мышца на скульптурной модели должна была лечь так, как задумала природа, чтобы под кожей проступили верные тени и выпуклости. Арсений работал сосредоточенно, и постепенно странный осадок от вчерашнего видения и ночного кошмара рассеялся. Жизнь входила в привычную колею.

Около полудня зазвонил телефон. Номер был незнакомый, но городской код подмосковный.

— Слушаю, — ответил Арсений, зажимая трубку между плечом и ухом, продолжая разминать пластичный материал.

— Арсений Валерьевич? — голос был мужской, глуховатый, с хрипотцой заядлого курильщика. — Вас беспокоит Рогозин Дмитрий Эдуардович. Мне дал ваш телефон... один знакомый из клуба собаководов. Сказал, вы лучший в своём деле.

— Внимательно слушаю вас, Дмитрий Эдуардович, — Арсений отложил глину и взял блокнот. Новый клиент — это всегда хорошо. Заказов было много, но рот на замке не держали, и поток желающих увековечить своих любимцев не иссякал.

— Понимаете, какое дело... — мужчина замылся. — У меня собака. Точнее, была. Английский бульдог. Умер три дня назад. Инфаркт, видимо. Старый был. Жена в истерике, вся семья на ушах. Мы хотим сохранить его. Не просто чучело, а... чтобы как памятник. На постаменте, в его любимой позе, с ошейником. Вы такие вещи делаете?

— Разумеется. Это моя специализация. Я могу предложить несколько вариантов поз, начиная от классической выставочной стойки и заканчивая композицией на диване или кресле. Нужно смотреть на анатомию собаки, на её шерсть и, конечно, на ваши пожелания.

— Хорошо. — В трубке послышался тяжёлый вздох. — Только есть нюанс. Мы не можем привезти его к вам. Живём за городом, машины сейчас нет, сами не выберемся. Да и не хотим мы его... по городу в сумке возить. Сможете приехать к нам? Оценить, забрать материал? Я заплачу за выезд, не обижу.

Арсений на секунду задумался. Обычно клиенты приезжали сами. Но бывали и исключения, особенно если речь шла о крупных породах или состоятельных заказчиках, которые не хотели светиться в «мрачной мастерской». В конце концов, у него был старый фургон, переделанный под перевозку материалов. Почему бы и нет?

— Хорошо, Дмитрий Эдуардович. Диктуйте адрес. Завтра утром я смогу подъехать. Часов в десять.

Мужчина продиктовал адрес в элитном коттеджном посёлке на Рублёвском шоссе. Это объясняло всё: и нежелание ехать, и готовность платить, и пафосное желание установить пса «на постаменте». Арсений пометил в календаре выезд и вернулся к работе. Вихрь обретал черты. Он лепил надбровные дуги, придавая морде выражение той самой отчаянной радости бега, которую он видел на фото. Стекланные глаза с карими радужками пока лежали отдельно, в углублении на столе, и их взгляд был устремлён в потолок.

Ближе к вечеру он решил заняться Маркизой. Точнее, её шкурой. Откладывая первичную обработку было нельзя, начинался процесс автолиза, и кожа могла потерять связь с дермой. Он достал тельце из холодильника и разложил его на лотке. Работа по снятию шкуры — это рутина. Точные, выверенные движения скальпелем. Разрез от грудины до основания хвоста, отделение соединительной ткани, использование грубой соли для обезживания. Арсений надел хирургическую маску и перчатки, настроил локальный свет и приступил.

Он старался думать о чём-то отстранённом. О том, что надо заплатить за свет, что запас формалина подходит к концу, что в мастерской надо бы сделать косметический ремонт. Лезвие скользило под кожей, отделяя её от мышечного слоя с лёгким, влажным чавканьем. Это был звук ремесла. Когда шкура была почти полностью снята, и оставался только самый сложный участок — голова с ушами и веками, — Арсений взял скальпель с более коротким и тонким лезвием. Здесь нужно было работать почти вслепую, полагаясь на тактильные ощущения. Пальцы левой руки натягивали кожу, а правая подрезала тончайшие мембраны вокруг глазных яблок. Он подрезал веко.

И тут лампу над столом заморгало.

Сначала часто-часто, создавая стробоскопический эффект, от которого движения Арсения стали дёргаными, прерывистыми. Потом свет погас совсем. Мастерская погрузилась в темноту. Арсений замер, удерживая скальпель в опасной близости от тонкой кожи века. Через

секунду лампа зажглась снова, но свет её был другим. Не холодным дневным, а каким-то чахлым, жёлтым, словно от керосинки.

— Что за... — начал было Арсений, но осёкся.

Он сидел не в своей мастерской. Он находился на грязной, захламлённой кухне. Прямо перед ним стояла старая, ещё советская газовая плита. Одна конфорка горела, и языки синего пламени лизали дно эмалированной кастрюли, из которой валил пар. Запахло палёным. Арсений опустил глаза. Вместо фартука на нём был застиранный ситцевый халат в цветочек. Морщинистые, покрытые пигментными пятнами руки держали не скальпель, а кухонный нож. И это были не его руки. Это были руки пожилой женщины. Он чувствовал их тяжесть, их артритную боль в суставах. Он чувствовал запах духов «Красная Москва», исходящий от воротника халата. Он чувствовал, как в груди, в его собственной, мужской груди, бьётся чужое сердце — слабое, больное, наполненное чёрной, липкой тоской. Это была не просто галлюцинация. Это было полное, стопроцентное перевоплощение, захватившее все органы чувств. Он знал, что эту женщину зовут Зинаида. Он знал, что ей семьдесят четыре года. И он знал, что в кастрюле, которую она помешивает, варится не суп. Там варились тряпки. А на полу, у её ног, стояла переноска, и из неё доносилось шипение. Отчаянное, полное ужаса шипение. Маркиза.

Зинаида — или Арсений, находящийся в её теле? — повернула голову к окну. Там, за мутным стеклом, сгущались зимние сумерки. По подоконнику, дрожа всем телом, ходил чёрно-белый котёнок. Он был маленький, тощий, с огромными, как плошки, от страха глазами. Это была та же кошка, что лежала сейчас перед Арсением в виде освежёванной тушки. Только живая. Женщина (или он?) посмотрела на неё, и внутри у Арсения поднялась волна такой лютой, концентрированной ненависти, что перехватило дыхание. Это была не его ненависть. Он никогда в жизни не испытывал ничего подобного. Это была ненависть-паразит, выросшая из одиночества и зависти. Зависти к живучести этого мелкого существа, которое осмелилось быть молодым и здоровым, в то время как она, Зинаида, доживает свои дни в забытой богом дыре. Зачем он это видит? Он не хотел этого видеть!

Он попытался зажмуриться, но чужие веки не слушались. Чужие глаза продолжали смотреть. Тело двигалось само. Тяжёлые шаги в сторону переноски. Наклон. Скрип коленей. Морщинистая рука хватает котёнка за шкуру. Котёнок от страха обмочился и заверещал. Где-то в глубине существа, которым стал Арсений, что-то слабо шевельнулось. Жалость? Это была его собственная жалость, запертая в чужом теле. Но она не могла ничего изменить. Потому что события уже произошли. Он был здесь лишь зрителем, заточенным в оболочку умершей старухи.

Рука с кухонным ножом взметнулась вверх. Арсений хотел закричать, но голосовые связки Зинаиды издали лишь хриплое, каркающее проклятие. Раздался звук удара. Не лезвием — рукояткой. Тупой удар по голове. Котёнок замолчал. А страшная, нечеловеческая ненависть вдруг сменилась ликованием. Зинаида выпрямилась, тяжело дыша, и по её морщинистой щеке скатилась одинокая слеза счастья. Арсения захлестнула волна тошноты и абсолютного ужаса. Он понял. Это не просто видение. Это воспоминание. Подлинное, физически ощутимое воспоминание, записанное в нейронах погибшей кошки, которая сейчас лежала перед ним, освежёванная, на металлическом лотке. И, прикоснувшись к её мёртвым тканям, он каким-то непостижимым образом считал эту информацию.

Видение оборвалось так же внезапно, как и началось. Арсений резко вдохнул, словно вынырнув из-под толщи воды. Он сидел на своём стуле в мастерской. Лампа дневного света ровно гудела над головой. Вокруг были его инструменты, его чучела. Всё было на своих местах. Кроме одного: в левой руке он сжимал наполовину отделённую от черепа шкуру кошачьей головы, а скальпель в правой руке дрожал так, словно по нему пропустили ток. Он аккуратно, словно обезвреживая мину, отложил инструменты и стянул перчатки. Ладони были мокрыми от холодного пота. Во рту стоял металлический привкус страха.

— Что это? — спросил он в пустоту. Чучела смотрели на него своими стеклянными глазами и молчали. Впервые в жизни они показались ему не искусными копиями жизни, а лицами чего-то тёмного и невысказанного. Что если... что если в каждой из этих работ заперто нечто подобное? Отпечаток боли, страха или радости? Он ведь всегда считал, что работает просто с биологическим материалом, как столяр с деревом. А что, если он ошибается? Материалист до мозга костей, он не мог принять мистическое объяснение. Нет, должно быть рациональное зерно. Галлюцинация, вызванная усталостью и парами формальдегида. Да, точно. Хроническое отравление консервантами. Нужно проверить вытяжку, возможно, она забита, и концентрация паров превысила норму.

Он резко встал, открыл окно, впуская в помещение сырой и холодный воздух. Сделал несколько глубоких вдохов. Стало немного легче. Голова прояснилась, но на душе остался гадкий, саднящий осадок. Впервые за много лет ему не хотелось продолжать работу. Он посмотрел на полуобработанную Маркизу. Веки кошки были отвёрнуты, обнажая пустые глазницы. В этом не было ничего особенного, он видел такое тысячи раз, но сейчас вид черепа без кожи вызвал у него приступ дурноты. Он торопливо накрыл заготовку плёнкой и убрал в холодильник, подальше с глаз долой.

Следующие несколько часов он провёл в попытках занять себя чем-то механическим. Навёл порядок на стеллажах, перебрал коробку со стеклянными глазами, разложил их по оттенкам. Каталог, тактильное ощущение гладких стеклянных сфер в пальцах, подсчёт остатков — это всегда успокаивало его. Но сегодня спокойствие не приходило. Каждый раз, поднимая тот или иной глаз, он ловил себя на мысли: «А что видел ты? Чей страх в тебе?». Вот глаз с узким зрачком, явно от хищной птицы. А что, если он сейчас возьмёт чучело вальдшнепа и прикоснётся к его шкурке? Увидит ли он стремительный полёт, свист разрезаемого воздуха и внезапную дробь охотничьей дробы, разрывающей внутренности? Увидит ли он лицо охотника? Эта мысль была настолько реалистичной и леденящей, что он отдёргнул руку от чучела птицы, как от ядовитой змеи.

«Нет, — приказал он себе. — Ты сходишь с ума. Прекрати. Это просто куски мёртвой плоти, натянутые на проволоку. В них ничего нет. Ты не медиум, ты таксидермист».

Он повторил это вслух, чтобы придать словам больше веса. Голос в пустом помещении прозвучал глухо и неубедительно. Где-то наверху, в жилой части дома, скрипнула половица. Арсений вздрогнул, но тут же одёрнул себя — это всего лишь усадка старого дерева из-за перепада температур. Но сердце всё равно забилося чаще. Он вдруг ясно осознал, что все эти годы жил в окружении мертвецов, и никогда не задавался вопросом, что на самом деле приносят с собой их останки.

Чтобы отвлечься, он решил поехать к клиенту сегодня же вечером, благо адрес был в черте города, в районе новостроек на Парнасе. Там жила молодая пара, пожелавшая увековечить своего той-терьера Риччи. Заказ был простой — собака на подушке. Никакой сложной пластики. Арсений погрузил необходимые инструменты в машину и выехал из мрачных дворов Петроградки на залитые неоновым светом проспекты. Шум машин, крики чаек над Финским заливом и общая суeta большого города подействовали отвлекающе. Он — не сумасшедший. Он — успешный ремесленник. У него очередь на полгода вперёд.

Квартира клиентов находилась на двадцать пятом этаже. В лифте пахло ароматизатором «морской бриз» и собачьими лапами. Дверь открыл молодой человек в очках, с заплаканными глазами. Девушка, его жена, сидела в гостиной, прижимая к себе подушку. Их горе было свежим, почти физически осязаемым. Арсений вошёл, стараясь держаться профессионально-отстранённо, но вежливо. Риччи лежал в своей лежанке. Ему было четырнадцать лет, он был почти слепым и глухим, и умер во сне. Хозяева нашли его утром уже холодным. Арсений слушал их сбивчивый рассказ, кивал, записывал пожелания, и постепенно входил в при-

вычную роль. Видения и панические атаки остались где-то там, в подвале. Здесь, на свету, среди живых, всё казалось нормальным.

— Можно я осмотрю его? — мягко спросил он.

— Да, конечно, — всхлипнула девушка.

Арсений присел на корточки перед лежанкой. Той-терьер лежал, свернувшись калачиком. Окоченение уже полностью прошло, тельце было расслаблено. Смерть наступила давно, часов двадцать назад. Арсений аккуратно, кончиками пальцев, дотронулся до шёрстки на загривке собаки. Он замер, внутренне сжавшись в ожидании удара. Ничего. Никаких картинок, никаких запахов. Только обычная тактильная информация: короткая, гладкая шерсть, прохладная кожа. Он облегчённо выдохнул. Ну конечно. Тот случай с Маркизой — единственный, вызванный переутомлением. Риччи был стар, умер от старости, в тепле и покое, на руках у любящих хозяев. В его смерти не было ни страха, ни боли, ни того сгустка чёрной энергии, который он ощутил, прикоснувшись к Маркизе.

— Всё хорошо, — сказал он, обернувшись к клиентам. — Очень хорошее состояние. Я сделаю работу быстро и качественно. Он будет выглядеть спящим. Таким, каким вы его запомнили.

Он забрал контейнер с телом, получил аванс и распрощался. Путь обратно в мастерскую прошёл почти в эйфории от осознания собственного здравомыслия. Всё было в порядке. Просто нервный срыв. Ему нужно взять выходной, может быть, съездить за город, подышать сосновым воздухом. И, конечно, починить чёртову вытяжку, чтобы не дышать формалином сверх меры.

Он вернулся в мастерскую уже затемно. Поставил контейнер с Риччи в холодильник, рядом с незаконченной Маркизой. Стекланные глаза борзой Вихря смотрели на него с полки. Арсений подошёл к верстаку и взял один из них. Покатал в пальцах. Идеальная работа немецких стеклодувов. Глубина зрачка была такой реалистичной, что, если долго смотреть, казалось, будто там, внутри, горит какой-то потусторонний свет. Он хмыкнул и положил глаз обратно. «Не оживляй то, что оживлять не следует», — вспомнилась ему цитата из какого-то старого фильма.

Спать он отправился с твёрдым намерением забыть последние сутки как страшный сон. Он проветрил спальню, выпил горячего чаю с мелиссой и лёг в постель, чувствуя приятную усталость в ногах. Сон пришёл почти сразу. На этот раз никаких оранжевых дверей ему не снилось. Снилось ему тихая лесная поляна, залитая солнцем, и белая собака, бегущая по траве. Вихрь. Он узнал эту собаку. Во сне она была жива, свободна и счастлива. Но даже во сне Арсений, глядя на неё, испытывал смутную тревогу. Потому что знал: это не его сон. Это чьё-то чужое, последнее воспоминание, зацепившееся за кончики его пальцев.

Утром его разбудил настойчивый звонок мобильного. Звонил Дмитрий Эдуардович, тот самый, с Рублёвки. Голос его звучал взволнованно и раздражённо.

— Арсений Валерьевич, вы не выехали ещё? Мы ждём. У нас тут ситуация... деликатного характера.

— Простите? — Арсений потёр глаза, прогоняя остатки сна. — Мы договаривались на десять утра. Сейчас только восемь.

— Ах да, точно, — голос в трубке немного сбавил обороты. — Извините, нервы. Жена всю ночь не спала, Кирюша наш... в общем, ждём. Вы адрес не потеряли?

— Нет, всё записано. Выезжаю через час.

Он быстро собрался, загрузил в фургон профессиональный кофр с инструментами, переносной холодильный бокс и отправился в путь. Дорога за город была знакома до каждого поворота, но на душе почему-то скребли кошки. Вчерашняя эйфория от «разоблачения» галлюцинации сменилась глухим, фоновым беспокойством. Слишком реалистичным было то, первое видение. Запах «Красной Москвы», боль в суставах старухи, хруст рукоятки ножа о череп

котёнка. От этого воспоминания его передёрнуло, и он прибавил громкость магнитолы, чтобы вытеснить мысли музыкой.

Коттеджный посёлок встретил его стерильной чистотой и безлюдностью. Высокие заборы, камеры наблюдения, шлагбаум на въезде. Он назвал охране свою фамилию, его пропустили. Дом Рогозиных выделялся даже среди этого архитектурного изобилия. Это был настоящий замок в миниатюре: башенки, витражи на окнах, кованые ворота. Арсений припарковался у гостевого въезда и нажал кнопку звонка. Ворота автоматически отъехали в сторону. На пороге дома его уже ждал хозяин — грузный мужчина в дорогом спортивном костюме, с лицом, на котором читалась привычка командовать. Рядом с ним стояла миниатюрная, измождённая женщина в чёрном платке, нервно теребившая кружевной платочек.

— Колчин? Проходите, — буркнул Рогозин, пожимая ему руку железной хваткой. — Слава богу, вы быстро. Тут такое дело... В общем, сами увидите.

Они прошли через анфиладу комнат, обставленных с кричащей роскошью. Везде чувствовались огромные деньги и полное отсутствие вкуса. Наконец, хозяин остановился у двери в кабинет.

— Он здесь. Мы его не трогали. Вы, это... будьте готовы.

Арсений напрягся. Что значит «не трогали»? Обычно к его приезду тело уже упаковано и готово к транспортировке. Рогозин открыл дверь, и в нос Арсению ударил тяжёлый, сладковатый запах. Запах смерти, но не простой, а с примесью нечистот и пролежней. На роскошном персидском ковре, перед камином, лежал английский бульдог. Это была огромная туша, раздувавшаяся от газов. Глаза пса вылезли из орбит, язык вывалился из пасти и почернел. Из-под хвоста на дорогой ворс натекла лужа бурой жидкости. Было ясно, что собака умерла не три дня назад, как сказал хозяин. Минимум неделю, а то и все десять дней. Запах стоял невыносимый.

— Вот, — Рогозин кивнул на труп. — Жена не давала его убирать. Говорила, вдруг он ещё живой. А он... сами видите. Вывозить его в город в таком виде — это с ума сойти. Мы думали, может, вы прямо здесь... начнёте? У нас есть подвал, холодный, мраморный. Любое оборудование оплатим. Но чтобы мы его не видели больше.

Арсений смотрел на разлагающуюся тушу и чувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Это был не страх. Это был профессиональный ужас перед объёмом работы. Снимать шкуру с трупа недельной давности — это адский труд. Кожа расползается под пальцами, шерсть вылезает клочьями, внутренние органы превратились в зловонную кашу. Сделать из этого материала чучело практически невозможно. Нужна была немедленная глубокая заморозка и колоссальная реставрационная работа.

— Дмитрий Эдуардович, — осторожно начал он, стараясь дышать через рот. — Я должен быть с вами честен. Процесс разложения зашёл слишком далеко. Шкура, скорее всего, потеряла эластичность. Собрать собаку в презентабельном виде будет стоить... очень дорого. И результат не гарантирован. Возможно, проще...

— Не надо мне говорить, что проще! — взревел Рогозин, и его лицо побагровело. — Вы мастер или кто? Мне обещали, что вы лучший! Я заплачу любые деньги. Любые! Хотите — миллион? Два? Но Кирюша будет стоять здесь, на этом ковре, как живой, ясно вам? Жене пообещал. Она без него жизни не видит.

Арсений перевёл взгляд на жену Рогозина. Она смотрела не на него, а на то, что осталось от Кирюши, и её взгляд был полон не скорби, а фанатичного, пугающего обожания. Так смотрят на икону. И Арсений вдруг понял: эти люди не отпускают своих мёртвых. Они держат их мёртвой хваткой, не давая истлеть, заставляя служить себе даже после смерти.

— Я попробую, — сдался он. Ему были нужны эти деньги. Они позволили бы ему закрыть ипотеку за мастерскую. — Мне нужно помещение с холодным полом, стол и доступ к воде. И вы принесёте мне несколько рулонов пищевой плёнки и побольше соли.

Он спустился в подвал. Это действительно был огромный мраморный зал, переделанный под винный погреб. Температура здесь держалась около десяти градусов. Подходило. Хозяева принесли всё необходимое и ушли, оставив его одного с собакой. Арсений надел респиратор, двойные перчатки и защитные очки. Вид у него был, как у сапёра. Он приступил к работе. Сначала нужно было удалить внутренности, чтобы остановить гниение. Скальпель погрузился в брюшную полость.

В этот раз удар был не постепенным, как с Маркизой. Не было никакого мерцания лампы или переходных картинок. В тот момент, когда лезвие коснулось внутренних органов, Арсения словно швырнули в ледяную бездну. Он оказался запертым в низком, тёмном пространстве. Он не мог пошевелиться. Его тело — короткое, коренастое, с вывернутыми лапами — было сковано болью. Невыносимой, разрывающей болью в суставах. Это была дисплазия. Запущенная, мучительная дисплазия тазобедренных суставов, характерная для этой породы. Он лежал на холодном полу, и каждый вдох давался с трудом, потому что ожирение давило на лёгкие. Он был Кирюшей. Он был псом, который последние месяцы своей жизни провёл в агонии, будучи не в силах встать, чтобы пописать, и вынужденный мочиться под себя. Хозяева считали, что он просто «стареет». Они таскали ему дорогой корм и звали ветеринаров, которые кололи бесполезные витамины, в то время как пёс мечтал только об одном — чтобы эта боль прекратилась. Чтобы кто-нибудь смилостивился и прекратил его мучения.

Но самым страшным было не это. Самым страшным была последняя картинка. Агония случилась ночью. Сердце пса останавливалось долго, мучительно, и в этот момент он не видел хозяев. Он видел только равнодушные витражи на окнах. Он умирал в одиночестве, на том самом ковре, где его теперь и нашли. Его не усыпили из жалости. Ему дали «уйти естественным путём», растянув его мучения на месяцы. Эгоистичная любовь хозяев обрекла его на ад.

Арсений вынырнул из видения с глухим стоном. Он отшатнулся от стола и сорвал с лица респиратор. Его рвало прямо на мраморный пол винного погреба. Спазмы были настолько сильными, что он не мог вдохнуть. Слёзы текли по щекам, смешиваясь с потом. Он только что прожил чужую смерть. Полную, тотальную агонию. И это не было галлюцинацией. Он знал это так же твёрдо, как знал своё имя. Это были отпечатки нейронной активности, записанные на каком-то неизвестном науке уровне, возможно, в самой протоплазме, в спинномозговой жидкости, которую он потревожил скальпелем. Эти твари, Рогозины, обожавшие своего «Кирюшу», на самом деле мучили его до последнего вздоха. А теперь они хотят, чтобы он, Арсений, воссоздал этот символ их слепой любви. Чтобы чучело напоминало им не о страдании, а о «преданном взгляде».

Он вытер рот и посмотрел на раздутый труп. Теперь он знал правду. И эта правда вызвала в нём ярость. Ярость и ужас. Он больше не хотел прикасаться к этому животному. Он не хотел заточать его дух в восковую маску. Но контракт был подписан, деньги обещаны. Он сделает эту работу. Но он не станет смотреть в глаза чучелу. Никогда.

Остаток дня прошёл как в тумане. Он механически, действуя на автопилоте, очистил скелет от разложившихся тканей, засалил остатки шкуры и упаковал всё в чёрные пластиковые мешки. Ему казалось, что он сам разлагается изнутри, пропитываясь чужим отчаянием. Он погрузил мешки в фургон под брезгливым взглядом Рогозина, который стоял на крыльце, курил сигару и даже не предложил ему помыть руки. Арсений сам нашёл кран на улице и долго тёр ладони с мылом, привезённым с собой.

Выезжая из посёлка, он посмотрел в зеркало заднего вида на удаляющийся дом-замок. В окне второго этажа, между тяжёлыми портьерами, стояла жена Рогозина и смотрела ему вслед. И её взгляд был абсолютно таким же пустым и стеклянным, как у чучел в его мастерской.

Дорога обратно в город заняла больше времени — пробки, ремонт моста. Арсений ехал молча, выключив магнитола. В голове билась одна-единственная мысль: «Что делать?». Он всегда считал свой дар благословением, искусством. Теперь это казалось проклятием. При-

касаясь к мёртвым, он не просто обрабатывал кожу, он считывал информационный слепок с последних мгновений жизни. И большинство этих мгновений, как он теперь понимал, были полны боли. Даже сытая жизнь домашнего любимца чаще всего заканчивается больничной койкой, уколами, страхом и удушьем. Что же тогда хранят в себе чучела диких зверей? Паника за секунду до выстрела? Хруст костей в капкане?

Он вспомнил свою коллекцию. Десятки, сотни работ, разъехавшихся по домам заказчиков. И каждая из них — это «чёрный ящик» с записью катастрофы. Клиенты замечают что-то странное рядом с ними? Конечно, замечают. Они находятся рядом с концентрированной эманацией ужаса. Их подсознание, их древний лимбический мозг, унаследованный от рептилий, улавливает этот сигнал бедствия, но сознание не может его расшифровать. Им кажется, что это просто «чужие страхи». А на самом деле это последний крик души, замурованный в мёртвую оболочку.

Арсений остановился у супермаркета, купил бутылку водки и пачку сигарет, хотя не курил уже несколько лет. Он вернулся в мастерскую, даже не взглянув на стеллажи с чучелами. Ему казалось, что все они провожают его взглядом. Что стеклянные глаза впитывают его смятение и посылают обратно отражённый, усиленный страх. Он заперся в своей комнате наверху, задвинул шторы и сел на кровать, прямо в одежде.

«Я схожу с ума», — сказал он себе, отвинчивая пробку. Водка обожгла горло. «Нет, я не схожу с ума. Если бы я сходил с ума, я бы не мог так чётко анализировать своё состояние. Это реальность. Мир устроен сложнее, чем я думал. И я, как последний дурак, влез в него по локоть».

Он курил в темноте, глядя на тлеющий огонёк сигареты, и думал о том, что будет дальше. Он не сможет просто закрыть мастерскую. Это его жизнь, его ремесло. Но он больше не может делать вид, что ничего не происходит. Он должен научиться защищаться от этих «воспоминаний». Должен понять механизм, который запускает этот процесс. Почему с Риччи не было ничего, а с Маркизой и Кирюшей накрыло так мощно? Может быть, дело в степени страдания? Чем мучительнее была смерть, тем сильнее отпечаток?

Внезапно его осенила ещё более страшная мысль. Если он считывает память при прикосновении к свежей плоти, то что насчёт готовых работ? Ведь процесс мумификации и дубления — это консервация. Неужели информация исчезает? Или она, наоборот, запирается навсегда в структуре коллагеновых волокон? И теперь эти чучела, разбросанные по всему городу, круглосуточно транслируют в эфир предсмертную агонию, сводя с ума своих владельцев?

Он допил водку и провалился в тяжёлое, липкое забытё без сновидений. Утром ему предстояло самое сложное — пойти в мастерскую и посмотреть в лицо своему наследию. Посмотреть на Вихря, на Маркизу, на филина и на сотни других существ, чьи тайны он хранил, сам того не ведая. И решить, что со всем этим делать дальше. Одно он знал точно: прежняя жизнь кончилась. Началась Таксидермия Памяти. И он в ней — не мастер, а один из экспонатов.

Глава вторая. Холодная радужка

Пробуждение было подобно всплытию с большой глубины — медленное, мучительное, с риском не добраться до поверхности. Арсений лежал на спине, не в силах пошевелиться и разлепить веки, а тело казалось ему свинцовой плитой, вдавленной в старый пружинный матрас. В висках стучала кровь, отбивая ритм, похожий на звук шагов за стеной, а во рту стоял привкус остывшего пепла и горького миндаля — верный спутник вчерашнего забытья. Сознание возвращалось урывками, как рваная киноплёнка: дорога от Рогозиных, супермаркет, очередь в кассу, бутылка дешёвой водки на столике, первая затычка после многолетнего перерыва, обжёгшая горло до кашля. А потом — темнота, глубокая и вязкая, как болотная трясина, из которой его только сейчас начало вытаскивать серое утро.

Он заставил себя открыть глаза. Комната встретила его тусклым светом, сочащимся сквозь неплотно задёрнутые шторы. Окно выходило в колодец внутреннего двора, и солнце никогда не заглядывало сюда дальше карниза. По потолку, прямо над головой, расплзлось желтоватое пятно от протечки — он смотрел на него тысячи раз, но сегодня оно показалось ему картой какого-то чужого, мёртвого континента. Арсений попытался сесть, и комната немедленно поплыла перед глазами, совершая медленный, тошнотворный оборот. Пришлось ухватиться за спинку кровати и переждать приступ головокружения.

На прикроватной тумбочке сиротливо стояла пустая бутылка и переполненная окурками пепельница. Он курил в комнате. Запах табачного дыма, впитавшийся в шторы и обивку старого кресла, казался чужеродным, почти оскорбительным — он напоминал о потере контроля. Арсений Колчин, педантичный до мелочей, никогда не позволял себе подобного. Его мастерская, его инструменты, его жизнь были подчинены строгому порядку. А теперь он лежит в прокуренной комнате, в мятой одежде, не помня, как добрался до кровати.

Он поднялся на ноги, держась за стену. Зеркало в ванной отразило незнакомца. Осунувшееся лицо с серой, нездоровой кожей, тёмные круги под глазами, делавшие его похожим на персонажа с полотен Врубеля, и щетина, проступившая за одну ночь так, словно он не брился неделю. Но самым страшным были глаза. Его собственные, светло-серые глаза, которые он привык считать спокойными и наблюдательными, смотрели из зеркала с выражением затравленного зверя. В них застыл тот самый липкий, иррациональный страх, который он, казалось, оставил в винном погребе Рогозиных.

Арсений умылся ледяной водой, долго тёр лицо, разгоняя кровь. Вода помогла. Мысли начали проясняться, выстраиваясь в логическую цепочку, и это приносило почти физическое облегчение. Итак, факты. Первое: при тактильном контакте с мёртвыми тканями, особенно в момент их препарирования, он способен переживать фрагменты чужой памяти. Факт второй: наиболее сильные и яркие видения связаны с агонией, страхом, болью — словно именно эти эмоции оставляют самый глубокий отпечаток. Факт третий: это не галлюцинации. Он был абсолютно уверен в подлинности увиденного. Чужая ненависть, чужая боль, чужие запахи — всё это было слишком детальным, слишком осязаемым для больного воображения. Факт четвёртый: он не знает, как с этим жить дальше.

Он заставил себя спуститься в мастерскую. Лестница вела из жилой части дома в подвал, и каждый шаг давался ему с трудом. Запах формалина и дубильных солей, который раньше был привычным и даже успокаивающим фоном, теперь казался угрожающим. Ему мерещилось, что в этом химическом букете появились новые ноты — ноты разложения, которые он не замечал прежде. Или, возможно, он просто принёс их с собой, выпитал вчера в подвале Рогозиных, и теперь они будут преследовать его вечно.

Мастерская встретила его знакомым полумраком. Арсений постоял на пороге, привыкая к обстановке, а затем решительно включил все лампы — и настольные, и потолочные, и даже

старый торшер в углу, который использовал только для фотосъёмки готовых работ. Яркий, безжалостный свет залил помещение, выхватывая из тени каждую деталь. Стеллажи с чучелами, верстак с заготовками, колбы с химикатами, инструменты, разложенные в идеальном порядке. Всё было на своих местах. И всё было другим.

Он обвёл взглядом свои творения. Лиса в прыжке. Вальдшнепы под потолком. Серый кот Барсик на подушке. Голова оленя на стене. Белка с орехом. Хорёк у норки. Филин в приёмной. Они смотрели на него. Все до единого. Их стеклянные глаза, искусно расписанные им самим, ловили свет и отбрасывали крошечные блики, создавая полную иллюзию внимательного, осмысленного взгляда. Раньше Арсений гордился этим эффектом. Теперь он чувствовал себя под прицелом десятков невидимых снайперов. Что они помнят? Какие мгновения заперты в их натянутых шкурах? Что они транслируют в пространство днём и особенно ночью, когда тишина становится абсолютной?

Он подошёл к стеллажу, где стояла лиса. Это была одна из его ранних работ, сделанная ещё в ученичестве, но выполненная с таким тщанием, что он до сих пор считал её одной из лучших. Огненно-рыжая красавица, застывшая в изящном прыжке над искусственным снегом из толчёного пенопласта. Морда её была полна охотничьего азарта, а пушистый хвост взлетал вверх, словно язык пламени. Арсений помнил, как создавал её. Шкуру ему привёз знакомый охотник — лисица попала в капкан. Он тогда долго возился с повреждённой лапой, восстанавливая её с помощью проволоочного каркаса и эпоксидной мастики.

«Попала в капкан», — повторил он про себя. Капкан. Стальные челюсти, сжимающиеся на кости. Долгие часы, а может, и сутки, проведённые в ловушке, прежде чем пришёл охотник. Холод, голод, невыносимая боль и дикий, животный ужас. Арсений протянул руку к чучелу. Пальцы дрожали. Ему нужно было знать. Нужно было проверить. Если готовая работа тоже хранит отпечаток, значит, он годами распространял этот ужас по домам своих клиентов. Он должен был коснуться лисьей шкуры.

Ладонь легла на рыжий мех. Ворс был мягким, шелковистым, но холодным. Всегда холодным. Мёртвый мех не греет. Арсений замер, ожидая удара. Секунда. Вторая. Третья. Ничего. Только тишина и гул ламп. Он уже готов был выдохнуть с облегчением, когда что-то изменилось. Не было ни вспышки, ни мерцания света, ни провала в иную реальность, как вчера. Вместо этого по пальцам, от кончиков к запястью, пополз холод. Не физический холод, а какой-то внутренний, глубинный озноб. А вместе с ним пришла эмоция. Чистая, дистиллированная, не замутнённая никакими визуальными образами. Жажда. Нестерпимая, сводящая с ума жажда. И понимание того, что воды нет. Что снег вокруг — мёртвый, холодный, но он не тает во рту. И бежать нельзя. И оставаться нельзя. И есть только боль в раздробленной лапе и этот бесконечный, предраассветный зимний лес.

Арсений отдернул руку, словно обжёгшись. Холод исчез мгновенно, но отголосок жажды ещё несколько секунд саднил в горле. Значит, это работает и с готовыми работами. Но иначе. Не так ярко, не так всепоглощающе. Свежая плоть транслирует полное, объёмное воспоминание, в которое ты проваливаешься целиком. Готовое чучело — лишь слабый, затухающий отзвук. Но он есть. Он не исчезает. Он спит. И, возможно, просыпается иногда. Особенно ночью. Особенно в полной тишине.

Арсений опустил на стул и закрыл лицо руками. Ему вдруг стало холодно. Так холодно, словно он сам сидел в снегу с перебитой лапой. Нужно было решать, что делать. Он не мог просто продолжать работать, делая вид, что ничего не случилось. Совесть, которую он считал давно атрофировавшейся за пятнадцать лет работы с мёртвой плотью, вдруг проснулась и теперь скребла где-то под сердцем острыми когтями. Сколько таких «заряженных» чучел он уже создал? Сотни? Больше? По самым скромным подсчётам, за годы практики через его руки прошло не меньше четырёхсот заказов. Четыреста посмертных масок, четыреста капсул с записью чужой агонии. И они стоят в чужих гостиных, спят на чужих подушках, смотрят в

чужие потолки. А рядом живут люди. Сходят с ума, не понимая почему. Чувствуют необъяснимую тревогу, просыпаются среди ночи от собственного крика, начинают бояться собственного дома.

Он вспомнил слова Елены Павловны, хозяйки Маркизы. «Муж мой бывший её боялся до дрожи. Говорил, что по ночам она ему спать не даёт, смотрит и осуждает». Муж боялся не кошку. Муж боялся тот сгусток ненависти и боли, который старуха Зинаида вложила в несчастное животное ударом ножа. А он, Арсений, законсервирует этот сгусток, придаст ему эстетичную форму, вставит красивые стеклянные глаза, и Елена Павловна поставит его у изголовья своей кровати. Чтобы каждую ночь впитывать эманации чужого безумия.

Эта мысль была невыносимой. Арсений резко встал, подошёл к верстаку и посмотрел на заготовку Вихря. Борзая всё так же тянулась в вечном беге, но теперь её вылепленная из глины морда казалась ему искажённой гримасой боли. Хотя он точно знал, что вылепил её по фотографиям, где пёс был счастлив. Может быть, в последний момент, когда машина уже летела на него, Вихрь всё же испытал страх? И этот страх отпечатался где-то в тканях? А он, Арсений, сейчас натягивает на этот страх шкуру, фиксируя его навечно.

Он перевёл взгляд на холодильник, где хранились контейнеры с Маркизой и Кирюшей. И с Риччи, той-терьером, от которого он не почувствовал ничего. Риччи умер во сне, старым, на руках у любящих хозяев. Его смерть была спокойной. Значит, не все чучела опасны? Значит, есть шанс, что часть его работ чиста? Но как отличить одни от других? Как определить, какие заказы несут в себе яд, а какие — просто безвредную биомассу?

Ответа не было. Как не было и понимания, что делать с незавершёнными работами. Маркиза — это стопроцентная угроза. Он сам пережил её предсмертный ужас. Кирюша — тем более. Это был концентрат страдания, замешанный на предательстве хозяев. Если сделать из них чучела, это будет равносильно созданию двух маленьких, но очень мощных генераторов негатива. Но контракты подписаны, задатки получены, и отказаться он не может. Скажи он Рогозину, что передумал, — его раздавят юридически или просто физически, судя по повадкам этого «бизнесмена». А Елена Павловна... её сердце просто не выдержит, если он скажет, что не вернёт ей Маркизу.

Был и третий вариант, самый рациональный и самый подлый с точки зрения его новой, только что проснувшейся чувствительности. Сделать работу, получить деньги, отдать заказ и забыть. В конце концов, он не экстрасенс и не шаман. Он ремесленник. Его дело — создавать иллюзию жизни, а разбираться с её метафизическими последствиями должны сами заказчики. Или не должны. В конце концов, большинство людей не обладают его способностью. Может быть, они вообще не чувствуют этих отзвуков? Может быть, это его личное проклятие — быть единственным приёмником этого жуткого сигнала?

Но он уже знал, что это не так. Слова Елены Павловны о муже, который боялся кошку, слова других клиентов, которые он раньше пропускал мимо ушей, списывая на сентиментальность и мнительность... Сколько раз ему звонили через полгода после заказа и осторожно спрашивали: «Арсений Валерьевич, а с вашими работами... не бывает ничего такого? Странного?». А он смеялся и говорил, что его чучела — просто куклы. Безобидные куклы. И клиенты смущённо благодарили и вешали трубку. А потом, наверное, привыкали к ночным кошмарам, к чувству чужого присутствия в пустой комнате, к необъяснимой тревоге, которая поселялась в доме вместе с новым «питомцем».

Арсений заставил себя выпить кофе. Крепкого, чёрного, без сахара. Кофеварка в углу приёмной была единственным предметом роскоши, который он себе позволял. Запах свежесваренного напитка немного притупил остроту отчаяния. Нужно было действовать последовательно. Решать проблемы по мере поступления. Первая проблема — текущие заказы. Их нельзя бросить, но, возможно, можно как-то обезвредить? Если отпечаток хранится в тканях, может ли он быть разрушен химическими веществами? Формалин, дубильные соли, спирт —

вся эта агрессивная химия, которую он использует для консервации. Неужели она не уничтожает ту тонкую материю, которая хранит память? Или, наоборот, фиксирует её, как фиксаж закрепляет фотографию? Гипотеза требовала проверки.

Вторая проблема — его собственное психическое состояние. Он не мог больше прикасаться к свежему материалу голыми руками. Перчатки, как показал опыт с Кирюшей, не помогали. Значит, нужен какой-то другой способ. Возможно, посредник. Инструмент, который создаст дистанцию. Длинные щипцы, зажимы? Но тонкая работа, особенно с мордой и веками, требует прямого контакта пальцев. Он не сможет вылепить лицо борзой, держа скальпель на расстоянии вытянутой руки. Придётся искать другой метод. Может быть, предварительная заморозка? Если материал будет заморожен до минус тридцати, сохранит ли он свою «информационную начинку»? Или холод разрушит её? Столько вопросов, и ни одного ответа.

Третья проблема — его наследие. Сотни чучел, разбросанных по городу и области. Что с ними делать? Обзвонить всех клиентов и попросить вернуть работы обратно для «профилактической обработки»? Бред. Его примут за сумасшедшего. Никто не отдаст ему оплаченный заказ. Да и что бы он с ними делал? Сжёт? Утопил? Но даже уничтожение не гарантирует исчезновения информации. Кто знает, как работает эта механика? Может быть, горящее чучело высвобождает накопленную память, и она, как радиация, заражает всё вокруг.

Он допил кофе и решил, что сегодня не будет прикасаться к мёртвым. Совсем. Ни к свежим, ни к законсервированным. Ему нужно было отвлечься, восстановить душевное равновесие, а для этого лучше всего подходила живая жизнь. Настоящая, не запёртая в стеклянные глаза. Он оделся и вышел на улицу.

Петербург встретил его промозглой сыростью и низким, словно набухшим влагой, небом. С Финского залива дул пронизывающий ветер, заставляя прохожих ёжиться и поднимать воротники. Арсений брёл по улицам Петроградской стороны, не выбирая маршрута, просто переставляя ноги и вдыхая воздух, в котором не было ни капли формалина. Он смотрел на людей — живых, спешащих по своим делам, — и впервые за долгое время испытывал что-то похожее на зависть. Они не знают. Они не чувствуют. Они живут в мире, где мёртвые молчат. И они счастливы.

Он зашёл в маленькую кофейню на Большом проспекте, взял латте и сел у окна. За соседним столиком молодая пара обсуждала предстоящий ремонт. Девушка водила пальцем по экрану планшета, показывая варианты обоев, а парень кивал, жуя круассан. Нормальная жизнь. Нормальные заботы. Арсений смотрел на них и думал о том, что в их квартире, возможно, тоже стоит чучело. Его работа. Или работа его коллеги. И они не знают, что в их спальне, рядом с кроватью, тикает бомба замедленного действия, готовая наполнить их сны чужими кошмарами.

Эта мысль была настолько реальной, что он чуть не подавился кофе. А что, если это действительно так? Что, если его чучела не просто хранят память, но и передают её? И человек, находящийся рядом, постепенно пропитывается чужой агонией, как губка, даже не осознавая этого? Сколько разводов, сколько нервных срывов, сколько депрессий могли быть спровоцированы безобидным на вид чучелом любимого мопса? Арсений почувствовал, как паника снова подкатывает к горлу. Он расплатился и вышел на улицу.

В кармане завибрировал телефон. Звонок был от Елены Павловны. Арсений смотрел на экран, не решаясь ответить. Сердце забилося чаще. Что она скажет? Что Маркиза ей уже начала сниться? Что она слышит по ночам кошачьи шаги? Что бывший муж, пришедший за вещами, в ужасе выбежал из квартиры? Но не ответить он не мог. Это было бы непрофессионально.

— Слушаю, — его голос прозвучал хрипло.

— Арсений Валерьевич, здравствуйте. Это Елена Павловна. Простите, что беспокою... Я понимаю, что работа ещё не готова, но я хотела спросить... С Маркизой всё в порядке?

— В каком смысле «в порядке»? — он постарался придать голосу максимум спокойствия.

— Ну, вы её уже... начали? Она у вас? Я просто ночью не могла заснуть. Всё думала о ней. А под утро мне показалось, что она мяукает. У меня на кухне. Я вскочила, побежала, а там пусто. И так тоскливо стало, так страшно... Я понимаю, что это нервы, но всё равно решила позвонить. Вы уж простите старую дуру.

Арсений прикрыл глаза. Значит, уже началось. Или это просто совпадение? Одинокaя женщина, потерявшая единственное близкое существо, слышит по ночам призрачное мяуканье. Классика жанра. Но он-то знал, что совпадений не бывает. Тело Маркизы лежит в его холодильнике, и его ткани ещё хранят тот заряд, который Зинаида вложила в них ударом рукоятки ножа. И этот заряд уже ищет выхода.

— Всё хорошо, Елена Павловна, — сказал он, преодолевая спазм в горле. — Материал в сохранности. Я как раз подбираю глаза. Всё будет сделано в лучшем виде. А вам нужно отдохнуть. Попейте валерьянки. Сходите в кино. Отвлечитесь.

— Да, да, вы правы, — её голос немного потеплел. — Просто она была для меня всем. Вы даже не представляете, какая это пустота — возвращаться в дом, где никто не встречает.

Она не представляла, какая это пустота, — возвращаться в дом, где мёртвые встречают тебя стеклянным взглядом. Но этого он говорить не стал. Он попрощался и повесил трубку. Отвлекаться нужно было срочно. Иначе он сойдёт с ума раньше, чем разберётся в происходящем. Он решил навестить своего единственного друга — Михаила, владельца антикварного магазина на Моховой.

Михаил Израилевич Гольдберг был единственным человеком, с которым Арсений мог разговаривать не только о работе. Старый антиквар, переживший блокаду, перестройку и десяток экономических кризисов, он обладал спокойной, умудрённой иронией и умением слушать. Его магазин, заставленный резной мебелью, бронзовыми канделябрами и пыльными гобеленами, был островком уходящей эпохи, и Арсений часто заходил сюда, чтобы выпить чаю из самовара и поговорить о жизни. Вернее, он думал, что это разговоры о жизни. Теперь он понимал, что это были разговоры о смерти, просто в другой упаковке.

Звякнул дверной колокольчик. В магазине было тепло и сумрачно. Гольдберг сидел в своём неизменном кресле у камина, в котором уютно потрескивали берёзовые поленья. Запах старой бумаги и воска смешивался с ароматом хорошего табака. Антиквар поднял на Арсения умные, пронизательные глаза, и его кустистые брови поползли вверх.

— Арсюша, ты выглядишь так, будто тебя переехал погребальный катафалк и дал задний ход, — констатировал он вместо приветствия. — Садись, пей чай. У меня сегодня варенье из райских яблочек, сам варил.

Арсений опустилcя в кресло напротив. Тепло камина, ворчание старого друга, тиканье напольных часов — всё это подействовало как бальзам на израненные нервы. Он взял в руки горячую чашку с тонким фарфоровым узором и сделал глоток. Чай был крепкий, сладкий, с дымком.

— Михаил Израилевич, — начал он, не зная, как подступиться к теме. — Вы старый человек. Много повидали. Скажите, вы верите в то, что вещи могут хранить память? Ну, в смысле, не в переносном, а в прямом. Как записывающее устройство.

Гольдберг отхлебнул чай, причмокнул и задумчиво посмотрел на огонь.

— Ты имеешь в виду психометрию? — спросил он. — Учение о том, что предметы могут впитывать информацию о своих владельцах и событиях, с ними связанных? Этому верят уже несколько тысяч лет. Индийцы, египтяне, греки... Все древние цивилизации знали, что материя не мертва. Что она обладает памятью. Особенно органическая материя. Дерево, кость, кожа... Кровь.

— Кровь? — Арсений вздрогнул.

— Кровь — это жизнь, — Гольдберг пожал плечами. — В ней душа. Так говорили древние. А ты, часом, не из любопытства спрашиваешь? Случилось что?

Арсений колебался. Рассказывать правду казалось безумием, но носить это в себе было выше его сил. И он решился.

— Помните, я рассказывал вам о своей работе? Таксидермия. Чучела. — Гольдберг кивнул. — Так вот, со мной начало происходить что-то странное. Когда я прикасаюсь к... материалу... к мёртвым животным... я вижу их смерть. Чувствую их боль. Переживаю их воспоминания. Это как провалиться в чужой кошмар. Сначала я думал, что схожу с ума. Но это повторяется. Слишком системно, чтобы быть галлюцинацией.

Гольдберг отставил чашку. Его лицо, обычно добродушно-ироничное, стало серьёзным.

— Расскажи подробно, — попросил он. — С самого начала. Что ты видел?

И Арсений рассказал. Он рассказал про Маркизу, про кухню, пропитанную запахом «Красной Москвы», про старуху Зинаиду, про удар рукояткой ножа. Рассказал про Кириюшу, про его адские муки от дисплазии и про безразличие хозяев. Рассказал про лису, про жажду и капкан. Гольдберг слушал его молча, не перебивая, и только пальцы его, униженные старческими перстнями, мерно постукивали по подлокотнику кресла. Когда Арсений закончил, повисла долгая, тяжёлая пауза. Слышно было, как потрескивают поленья в камине.

— Плохо дело, — произнёс наконец Гольдберг. — Очень плохо. То, что ты описываешь, — это не психометрия в чистом виде. Это гораздо хуже. Психометр считывает информацию с предмета, как книгу. Он видит картинки, слышит звуки, но остаётся наблюдателем. Ты же описываешь полное погружение. Слияние. Ты не просто считываешь память, ты проживаешь её. Становишься ею. Это говорит о том, что канал слишком сильный. Что-то разрушило естественный барьер между твоим сознанием и информационным полем мёртвой плоти.

— Но почему? Почему со мной? Почему сейчас? Раньше ничего такого не было!

— Раньше ты не вскрывал тела с таким багажом, — Гольдберг покачал головой. — Возможно, эти два случая — кошка и собака — стали спусковым крючком. Оба были наполнены концентрированным страданием. Их энергия пробила твою защиту. А может быть, ты просто накопил критическую массу. Годы работы с мёртвой плотью, годы пренебрежения... духовной гигиеной, скажем так. Ты относился к телам как к материалу. А они таковым не являются.

— Но что мне делать? Я не могу бросить работу. У меня заказы, обязательства...

— Забудь про заказы! — резко перебил его Гольдберг. — Ты сейчас стоишь на краю пропасти. Если ты продолжишь в том же духе, ты либо сойдёшь с ума, либо начнёшь путать свои воспоминания с чужими. Твоя личность растворится в этом хоре мёртвых голосов. Ты перестанешь быть Арсением Колчиным и станешь совокупностью всех тех существ, чью смерть ты пережил. Ты этого хочешь?

Арсений молчал. Он представил себе это — миллионы чужих мгновений, записанных в его мозгу. Кошка, собака, лиса, птица, крыса, хомяк... Сотни смертей, спрессованных в одно сознание. И где-то там, в глубине этого ада, последние искры его собственного «я».

— Я не этого хочу, — прошептал он. — Но что делать? Есть способ защититься?

Гольдберг вздохнул и поднялся с кресла. Подошёл к бюро, открыл потайной ящик и извлёк оттуда нечто, завернутое в чёрный бархат. Вернулся к камину и протянул Арсению.

— Возьми. Это принадлежало моему деду. Он был ювелиром, но не простым. Он занимался так называемой «защитной символикой». Амулеты, обереги. Я не знаю, работает ли это на самом деле, но вреда не будет точно.

Арсений развернул бархат. Внутри лежал кулон на тонкой серебряной цепочке. Сам кулон был круглым, из тёмного, почти чёрного серебра, с выгравированным на нём символом, похожим на лабиринт или свёрнутую спиралью змею. В центре спирали тускло мерцал крошечный камешек — не то обсидиан, не то чёрный жемчуг.

— Что это за символ? — спросил Арсений, разглядывая кулон.

— Не знаю точно. Дед называл это «Печатью Неприкосновенности». Говорил, что она помогает сохранить границы своего «я» и не пускает внутрь чужеродные влияния. Если то,

что ты рассказал, правда, — а я склонен тебе верить, потому что видел в жизни много такого, что не объяснить наукой, — то тебе нужно замкнуть свой контур. Прекратить быть открытой раной, в которую вливаются чужие страдания.

Арсений надел кулон. Серебро было холодным, но быстро нагрелось от тела. Он не почувствовал ничего особенного — ни волны тепла, ни магического сияния, как в кино. Но сам ритуал, само наличие этого предмета на груди немного успокаивало. Это было похоже на плацебо, но даже плацебо сейчас было бы кстати.

— Спасибо, Михаил Израилевич, — сказал он. — Я попробую. Но что насчёт тех чучел, которые я уже создал? Их ведь сотни. И в каждом, возможно, спит такой же заряд. Я не могу забрать их обратно. Я не могу предупредить людей.

— А ты уверен, что предупреждать — это правильно? — Гольдберг хитро прищурился. — Представь, что ты скажешь клиентам правду. «Ваш любимый Шарик на самом деле вместилище ужаса. Я рекомендую его сжечь». Что они сделают? Вызовут санитаров. А Шарик останется у них. И, возможно, разозлится. Потому что, с точки зрения эзотерики, дух, запертый в чучеле, — это не самый добрый дух. И тревожить его словами — себе дороже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.